

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 3. С. 933–969
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 3 (2022): 933–69

Научная статья

УДК 94(47).083

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-6>

К вопросу о размежевании неонароднической среды и образовании народно-социалистической партии

Ольга Львовна Протасова

Тамбовский государственный технический университет,
Тамбов, Россия,

olia.protasowa2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0120-6380>

Olga L. Protasova

Tambov State Technical University,
Tambov, Russia,

olia.protasowa2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0120-6380>

Аннотация. Статья посвящена происхождению народно-социалистической партии – вопросу, на который историография до сих пор не дала однозначного ответа. Рассматриваются события и дискуссии учредительного съезда Партии социалистов-революционеров (25 декабря 1905 – 2 января 1906 г.), где произошел окончательный раскол в неонароднической среде. Показаны и проанализированы основные противоречия программного и тактического характера, имевшиеся между левыми и правыми неонародниками и особенно остро обозначившиеся в ходе съезда. Отмечены принципиальные разногласия по поводу отношения к нелегальным методам политической борьбы, принимаемым эсерами и отвергаемым будущими народными социалистами, а также программные различия – социализация у революционных и национализация у умеренных народников – относительно решения аграрного вопроса в России. Выявлены социально-психологические факторы, мешавшие конструктивному диалогу эсеровского актива и группы «Русского богатства». Приведены основания для причисления умеренных народников в первые годы XX века к эсеровскому сообществу, а также аргументы в пользу самостоятельного образования народно-социалистической партии.

Ключевые слова: неонародничество, социалисты-революционеры, народные социалисты, журнал «Русское богатство», идеология, тактика

Для цитирования: Протасова О.Л. К вопросу о размежевании неонароднической среды и образовании народно-социалистической партии // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 3. С. 933–969, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-6>

© Протасова О.Л., 2022

© Protasova O., 2022

On the separation of Neo-Populists and the formation of the Popular Socialist Party

Abstract. The article is devoted to the origins of the Popular Socialist Party, which is a question that has not been given a clear answer by modern historiography yet. It considers events and discussions during the founding congress of the Socialist Revolutionary Party (December 25, 1905 – January 2, 1906), where the final separation between Neo-Populists took place. The author identifies and analyses the main contradictions between the left-wing and right-wing Neo-Populists related to the party program and its tactics, which became especially acute during the congress. Main differences in the attitudes towards the illegal methods of political struggle that were accepted by the Socialist-Revolutionaries and rejected by the future Popular Socialists are pointed out. The author also analyses their program differences regarding the solution of the agrarian question in Russia: socialization among the Socialist-Revolutionaries and nationalization among the moderate Populists. The socio-psychological factors that hindered any constructive dialogue between the Socialist-Revolutionaries and the *Russkoe bogatstvo* group are revealed. The grounds for classifying the moderate Populists in the early 20th century as part of the Socialist Revolutionary community and the arguments in favor of the independent formation of the Popular Socialist Party are presented.

Keywords: neo-populism, Socialist-Revolutionaries, Popular Socialists, the journal *Russkoe Bogatstvo*, ideology, tactics

For citation: Protasova, O.L. “On the separation of Neo-Populists and the formation of the Popular Socialist Party.” *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 3 (2022): 933–69, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-6>

Введение

Народническое направление российского социализма традиционно представляет большой интерес для исследователей. В постсоветский период его изучение приобрело особую актуальность, поскольку именно народническая среда в начале XX века внесла в повестку демократического обновления России ряд предложений, которые выглядят вполне современно и сегодня. Среди них – проблемы соотношения государства, права и граждан (вопрос, ныне обсуждаемый в рамках дискурса о гражданском обществе и правовом государстве), насилия и ненасилия в осуществлении власти и процессе политической борьбы, социальной солидарности, воспитания гражданского правосознания и человеческого самосознания и т.п. Неонароднические партии – социалистов-революционеров и народных социалистов – и в своей программатике, и в своей реальной политической деятельности на поиски решения этих вопросов обращали пристальное внимание. «Социализм с человеческим лицом» – тот идеал, к которому стремились как революционные, так и эволюционные народники, хотя пути к нему и характер организации-проводника (партии) в их представлениях существенно различались.

Проблема становления неонароднических политических партий, сыгравших в годы российских революций значимую, даже ключевую роль, при всей своей исследованности до сих пор не «закрыта». Причиной тому является большая пестрота организаций, объединившихся в начале XX в. в единое эсеровское направление, и, как следствие, множественность тактико-идеологических оттенков внутри этой среды. Особый интерес вызывает вопрос о самостоятельности происхождения народно-социалистической партии, официально зарегистрированной в Департаменте полиции осенью 1906 г.

Историография собственно народно-социалистической партии берет начало не более, чем полвека назад. Советские историки аккуратно следовали установкам Ленина, не воспринимавшего трудовую народно-социалистическую партию (далее – ТНСП) как самостоятельную политическую силу, и вплоть до 1970-х гг. не занимались специальным изучением этой «мелкобуржуазной» организации. При немногочисленных упоминаниях о партии либо ее отдельных деятелях утверждалось (опять же в доказательство ее несамостоятельности), что народные социалисты – правое крыло эсеров, отошедшее от партии вследствие политической осторожности и нерешительности и потому заслуживающее уважения еще меньше, чем ПСР. Убежденность в том, что ТНСП – псевдосоциалистическая организация без собственного политического лица, приводила советскую историческую мысль к выводу, что деятельность народных социалистов и в теоретической, и в практической сферах была заранее обречена на провал. Тем не менее, с конца 1970-х гг. стали появляться исследования о народных социалистах и трудовиках, ценные с фактологической точки зрения и ставшие подспорьем для будущих работ периода идеологического плюрализма¹. Н.Д. Ерофеев² первым привлек внимание к народно-социалистической партии как к заслуживающей специального изучения организации, характеризуя ее без привычных осуждения и высокомерия, диктуемых официальной линией в отношении небольшевистских партий. Однако в основной массе литературы, посвященной непролетарским партиям, по-прежнему часто встречались формулировки типа «крах», «банкротство», «крушение» в качестве оценки результатов их деятельности. Жанр политического портрета, который позволял бы показать народников (да и не только их) в личностном измерении, практически отсутствовал.

¹ Алексеева Г.Д. Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция. Москва: Наука, 1990; Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, 1902–1914 гг. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1983; Хорос В.Г. Народническая идеология и марксизм в конце XIX – начале XX вв. Москва: URSS, 2021.

² Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. Москва: МГУ, 1979.

Такое положение дел стало заметно меняться в постсоветский период. Ускорился процесс изучения политической доктрины Трудовой народно-социалистической партии, появились научные биографии лидеров умеренного неонародничества. В литературе последнего десятилетия XX в. можно наблюдать не только пересмотр существовавших ранее тенденций, но и повышение научного интереса к роли и месту партии в политической истории страны 1906–1917 гг., которые теперь признавались вполне заметными и достойными. Постепенно внимание исследователей переключилось и на партию в целом, рассматриваемые в качестве компонентов российской многопартийности. Работы, избавляясь от тенденциозности, стали намного объективнее, содержащийся в них анализ – многостороннее. Трудовая народно-социалистическая партия «нашла» своих историографов и рассматривалась теперь как самостоятельный, своеобразный и достаточно влиятельный субъект политической жизни революционной России³. Из исследователей ПСР, проявивших интерес к теме раскола народников в начале XX в. на две конкурирующие партии, справедливо выделить М.И. Леонова⁴.

Что касается зарубежной историографии, то объектом ее специального внимания ТНСП не становилась; если и можно было встретить редкие упоминания о ней, то лишь в контексте ее интеракций с ПСР, крупной и влиятельной организацией, привлекавшей европейских и американских исследователей своим демократизмом, а также нереализованным потенциалом и трагической судьбой⁵.

³ Сулов А.Ю. Российские социалисты после октября 1917 года в отечественной историографии. Казань: КНИТУ, 2013; Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. Москва: РОССПЭН, 1999; Сыпченко А.В. Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика. Самара: СГПУ, 2004; Сыпченко А.В. Народные социалисты и террор // Мемориал. URL: <http://memo.ru/history/terror/sypchenko.htm> (дата обращения: 05.05.2021); Иогансон Е.Н. В. Мякотин: историк и народный социалист // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 107–117; Мосейкина М.Н. Трудовая народно-социалистическая партия в современной отечественной историографии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 1. С. 47–60; Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. Москва: РОССПЭН, 2004; Протасова О.Л. Деятели демократического социализма в контексте политической культуры российского общества первой четверти XX века: монография. Тамбов: ТГТУ, 2017 и др.

⁴ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. Москва: РОССПЭН, 1997.

⁵ Hildermeier M. Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln: Böhlau Verlag, 1978; Hildermeier M. Revolution und Revolutiongeschichte // Die Umwertung der sowjetischen Geschichte / Hrsg. von D. Gayer. Köln: Böhlau Verlag, 1991. S. 32–53; Hildermeier M. Arbeiterschaft und politische Radikalisierung in der Revolution 1905–1907 // Geschichte und Gesellschaft. 1990. Bd.16. S. 512–535; Geifman A. Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton

Основная часть

Появление первых организаций социалистов-революционеров относится к середине 1890-х гг. Название «социалисты-революционеры», принимаемое ими, означало преемственность, родство с народниками 1870-х. Слово «народник», как правило, старались не употреблять, поскольку на тот момент это имя не считалось почетным. Куда популярнее был марксизм, пришедший из Европы и в глазах молодого поколения ассоциировавшийся с прогрессивными началами, ожиданием непрямого встраивания России в семью передовых государств свободы и демократии. Однако для будущих неонародников марксизм не выглядел универсальным учением, прежде всего из-за классового сепаратизма: в отличие от последователей Маркса, они считали несправедливым разделять трудящихся на более и менее полезные делу революции сегменты. В 1890-е гг. происходила нешуточная идейная борьба народничества и марксизма, которая в немалой степени помогла самоопределению политически активных представителей поколений 1860–80-х годов рождения.

Ряды эсеров в преддверии XX в. отличались пестротой, как, собственно, и их взгляды, представлявшие собой эклектику классического и ревизованного марксизма и народничества. Влияние марксизма выразилось в том, что надежды на освобождение России у народников конца XIX столетия были связаны не с крестьянством, а прежде всего с пролетариатом, более организованным и сознательным и более способным впитывать новые идеи, распространяемые посредством пропаганды и агитации. Однако были и сторонники «деревенской» линии, считавшие нужным акцентировать внимание на политико-просветительской работе в крестьянской среде⁶. Политическая забитость, нищета, невежество, распыленность по огромной территории не позволяли крестьянству стать полноправным союзником эсеров на данный момент, однако в нем виделась потенциальная революционная перспективность. Для ее развития партия планировала пропагандировать в крестьянской среде идеи социализма и, в особенности, политической свободы⁷.

В общем, на начало 1900-х гг. название «партия социалистов-революционеров» было собирательным и пока еще не ограничивало строго круга последователей некоей единой политической линии. У организации отсутствовали теория, устав, программа, которые разделялись бы всеми ее членами.

(N. J.): Princeton university press, 1995; *Immonen H.* The agrarian program of the Russian Socialist-Revolutionary Party, 1900–1914. Helsinki: Finnish Historical Society, 1988.

⁶ *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 24.

⁷ *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 24.

Работа эсеров в этом направлении активизировалась в 1902 г. Путь к созданию единой концепции оказался чрезвычайно трудным и болезненным. Эсеровский актив не мог найти единства по целому ряду ключевых вопросов: о терроре, в том числе в аграрной сфере (захваты земли), о социализации земли, о необходимости деления программы на «минимум» и «максимум», об отношении к марксизму и т.п. В течение двух последующих лет (1902–1904) в газете «Революционная Россия», получившей статус центрального органа ПСР, постепенно была изложена целостная теоретическая концепция партии. Можно сказать, что именно это издание сыграло ключевую роль в сплочении партийных рядов. Стимулом к консолидации эсеров также послужили выступления с программными заявлениями социал-демократов, а затем либералов.

Формировалась партия по российским классическим образцам, сверху вниз – сначала центральные организации, затем местные группы. Не было ни выборных органов, ни устава, ни критериев членства. Связи между центром и периферией не были отлажены. Что касается числа организаций, то М.И. Леонов приводит такие цифры: в 1902 г. их было 28, в 1904 – 74⁸. Состав эсеровских отделений был преимущественно интеллигентским, хотя имелось некоторое количество рабочих и крестьян. Кстати, вопросы расширения социального состава партии весьма заботили ее актив, и, начиная с 1902 г., стали создаваться крестьянские братства и союзы, кружки учащихся и солдат⁹.

Эволюционное, умеренное крыло российского народничества представляли народные социалисты (в обиходе энесы), с осени 1906 г. официально оформленные в одноименную партию (с июня 1917, после слияния с трудовиками – ТНСП, Трудовая народно-социалистическая партия). Годы ее существования: в России – 1906–1920 гг., в эмиграции – максимум до 1940 г. Представителей этой партии иногда называют «либеральными народниками» из-за характера предпочитаемых ими методов политической борьбы, а также близости по ряду вопросов к либералам.

Существует мнение, подкрепленное официальной советской историографией, что народные социалисты – это правое крыло эсеров, в определенный момент отколовшееся от партии¹⁰. Энесовские источники опровергают данное утверждение, однако следует признать, что оно имеет резоны, и немалые. Причины появления этой версии понятны. Во-первых,

⁸ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 37.

⁹ Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1987. С. 57.

¹⁰ Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Москва: Советская энциклопедия, 1976. Т. 16. С. 597.

советская историческая наука, ориентированная на изучение крупнейших партий, победа над которыми могла быть к чести большевиков, следуя оценкам В.И. Ленина, называвшего народных социалистов «переряженными кадетами», «эсерствующими меньшевиками» и пр., не воспринимала их как самостоятельное политическое явление и «привязывала», соответственно, то к кадетам, то – чаще – к эсерам. Во-вторых, тесные контакты в публицистической деятельности, оказание конспиративных услуг эсерам-радикалам некоторыми будущими энесами давали основание предположить, что последние могли по умолчанию считаться членами эсеровской партии. Такое предположение условно допустимо постольку, поскольку ПСР еще не была окончательно формализована. В тот период у тех, кто считался членами ПСР, не было ни членских билетов, ни формальных обязательств перед партией. Не велась и партийная статистика. Членство в партии могло рассматриваться «по факту» выражаемых симпатий и содействия¹¹ (например, как в ряде современных западных стран: кто проголосовал за партию на последних выборах, того можно считать ее членом). Подобный подход вполне оправдан для дилетантов, он дает представление о межпартийной близости народников, однако для специалистов он слишком упрощен и обобщен. Случаи содействия правых народников революционерам говорят о сочувствии многим взглядам и поступкам идеологически близкой организации в тот момент, пока они сами вели поиски собственного политического пути. Этот путь не исключал союза с эсерами, однако отнюдь не на условиях, диктуемых последними. Лидеры будущей НСП – ТНСП А.В. Пешехонов и В.А. Мякотин принимали участие в обсуждении проекта эсеровской программы и собирались представить свой вариант. Есть и другие аргументы в пользу принадлежности будущего энесовского ядра к эсерству, например, слова В.М. Зензинова, который рассказывает:

Кроме Лассалья и Жореса¹² был у нас тогда в партии еще один замечательный оратор – Бенедикт Александрович Мякотин, позднее из нашей партии

¹¹ М.А. Натансон так характеризовал ситуацию с пополнением эсеровских рядов: «Как принимались члены? Кого считали хорошим человеком, того и принимали» (Судебно-следственная комиссия ЦК ПСР по делу Е. Азефа. Переплетенные тетради с показаниями, отпечатанными на машинке Боброва (Натансон) // Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1699. Оп. 1. Д. 123. Л. 4).

¹² В тексте упоминаются эсеровские деятели, вызывавшие у однопартийцев ассоциации с названными французскими социалистами. «Лассалем» назван И.И. Фондаминский (псевдоним – Бунаков), «Жоресом» – Н.Д. Авксентьев (*прим. автора*).

ушедший в новую партию, образовавшуюся в 1906 году – народно-социалистическую¹³.

В.А. Мякотин

Источник: www.hrono.ru (дата обращения: 15 сентября 2021 г.)

По мнению Охранного отделения, Пешехонов и Мякотин входили в состав Петербургского комитета ПСР¹⁴. В.М. Чернов настаивал, что оба они «считали себя тогда членами нашей партии»¹⁵. То же самое утверждали Н.Д. Авксентьев, М.А. Натансон, С.Н. Слетов, Н.С. Русанов¹⁶. Подобного мнения придерживался и П.Н. Миллюков¹⁷. Последний, конечно, «извне», с либеральной позиции, мог не вникать в нюансы внутрисоциалистических отношений и воспринимать всех социалистов-народников, так сказать, обобщенно. На тот момент эсеры были единственной народнической партией, которую знали современники. Соответственно, все процессы, происходившие в народнической среде, ассоциировались именно с ПСР.

Самые энергичные опровержения принадлежности правых народников к ПСР делал А.В. Пешехонов, причем с годами они становились все резче. Так, в 1906 г. он писал об эсерах как о «друзьях по направлению», с которыми разошлись по организационным вопросам; в 1917 г. – «Мякотин и я, хотя не входили формально в партию с.-р., но были близки к ней, чуть ли не с самого ее

¹³ *Зензинов В.М.* Пережитое. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953 // Хронос. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zenzin04.html (дата обращения: 15 сентября 2021 г.).

¹⁴ О помощнике присяжного поверенного Льве Зейликове Франке // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 228. 1898. Д. 80. Л. 144.

¹⁵ *Пешехонов А.В.* Мои отношения с Азефом // Революционная Россия. 1924. № 33–34. С. 14.

¹⁶ *Русанов Н.С.* Из моих воспоминаний. Снова на Родине // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 678. Картон 1. Ед. хр. 8. Л. 54.

¹⁷ *Миллюков П.Н.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1. Москва: Современник, 1990. С. 273.

возникновения»; в 1924 г. – «к партии с.-р. я не принадлежал, никогда в обязательных отношениях к ней не находился»¹⁸. Спустя годы отношения в народническом кругу становились все менее тесными, но это не означало, что Пешехонов лукавит: документальных доказательств вхождения его с товарищами по «Русскому богатству» в ряды ПСР действительно нет. Еще одно свидетельство партийной «автохтонности» эволюционных народников: в мемуарах предполагаемых однопартийцев, за исключением вышеупомянутого В.М. Зензинова, практически не встречаются слова «эсер Пешехонов», «эсер Мякотин», равно как и прочие организаторы НСП, в то время как всем известно, что, например, В.М. Чернов еще с 1890-х гг. был социалистом-революционером, а Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк, А.Р. Гоц, тот же В.М. Зензинов и др. вступили на рубеже XIX–XX веков именно в ПСР (по их собственным воспоминаниям известны подробности их присоединения к этой организации, сомнения и внутренние компромиссы), причем они как раз и стали правым партийным крылом. Партийный выбор не у всех народников был одномоментным. Например, П.Ф. Якубович (Мельшин), писатель и поэт, автор воспоминаний о каторге «В мире отверженных», в конечном итоге вернулся к эсерам, поскольку намеченные ими программа и тактика больше, чем поступательные энесовские, отвечали его психологическому складу и прошлому подпольщика. Н.П. Огановский, переходя к эсерам уже в 1917 г., руководствовался «утилитарными» мотивами: он решил баллотироваться в Учредительное собрание от ПСР не из-за идеи, а из-за больших возможностей, которыми располагала крупнейшая в России партия. В отличие от них А.А. Титов, знаменитый химик, в молодости, располагая собственными средствами, оказывал поддержку эсерам-боевикам, но с 1906 г. активно включился в построение народно-социалистической партии, став одним из основателей ее московской группы.

Таким образом, на наш взгляд, если рассматривать понятие «социалист-революционер» как собирательное наименование, означающее принадлежность к среде, занимающейся активной оппозиционной деятельностью и придерживающейся социалистических убеждений, то правых народников вполне правомерно рассматривать как членов ПСР, но если иметь в виду их членство в конкретной партийной организации – то все-таки народные социалисты эсерами считаться не могут. Так что, взвешивая «за» и «против» в суждениях о действительном участии будущих народных социалистов в эсеровской политической организации, стоит, пожалуй, принимать в расчет свидетельства современников, хотя те также могли быть субъективны, люди с течением времени и под воздействием эмоций могли что-то перепутать,

¹⁸ Цит. по: *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 240.

забыть, изменить отношение к происходившему годы назад и т.п. У умеренных народников еще до начала Первой русской революции были амбиции создать собственную партию. Выражение «друзья по направлению», которое употребляли и М.А. Натансон, и А.В. Пешехонов, и другие – пожалуй, самое верное для характеристики взаимоотношений эсеров и будущих энесов. Натансон свидетельствовал, что члены эсеровского ЦК предлагали Пешехонову, Мякотину и Анненскому войти в их Центральный комитет, «тащили» их в партию, но неизменно наталкивались на отказ (еще одно доказательство формальной непричастности правых народников к ПСР!), причинами которого были раздражение верховодством «эмигрантов», несходство взглядов на аграрный вопрос, недовольство крайним революционным радикализмом эсеров и их нацеленностью на вооруженное восстание¹⁹. Вплоть до конца 1905 г. левые и правые народники совместно редактировали ряд периодических изданий, в том числе газету «Сын Отечества». По словам одного из старейшин эсеровского «цеха» Н.С. Русанова, отлично знавшего практически всех видных представителей народнического круга, умеренные использовали любую возможность, «чтобы выбросить из статей эсеровских авторов слова и целые фразы, казавшиеся им ненужно резкими»²⁰.

Когда летом 1905 г. наступило время крестьянских волнений, идеологи из «Русского богатства» оказались этим встревожены, в своих публикациях протестуя против аполитического, точнее, анархического характера крестьянского движения, против его тенденции разрешить «своими средствами» громадные и сложные вопросы. Единственным средством избежать пагубных последствий такого анархизма они видели введение крестьянского движения в русло государственности. Так правые народники положили начало противопоставлению собственного этатизма эсеровскому «недоверию буржуазному государству и переоценке хозяйского союза – общины»²¹, короче – противопоставлению своего проекта национализации эсеровскому проекту социализации.

В то же самое время, к которому относят предполагаемое «эсерство» умеренных народников, Пешехонов, Анненский и др. не менее тесно, чем с радикалами, сотрудничали с либеральной оппозицией. Они участвовали в «освобожденческом» движении, стремившемся охватить и объединить все

¹⁹ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 197.

²⁰ Русанов Н.С. Из моих воспоминаний. Снова на Родине // НИОР РГБ. Ф. 678. Картон 1. Ед. хр. 8. Л. 39.

²¹ Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 6. С. 230–233.

силы, противостоявшие самодержавию. На рубеже веков состоялось знакомство Пешехонова с П.Н. Милюковым, которое на протяжении долгих лет сопровождалось глубоким взаимным уважением и симпатией, что, впрочем, не исключало подчас обоюдной критики по спорным политическим вопросам. Почвой, их сближавшей, был конституционализм, к которому, в конечном счете, тяготели правые неонародники. В 1900 г. на одном из собраний оппозиционной интеллигенции Милюков предложил вести борьбу «на грани легальности». Идея конституционной монархии – желанной формы государственного строя для большинства либеральных деятелей (республиканские настроения среди них были еще очень слабы) – находилась достаточно далеко за пределами самодержавной легальности. Поэтому перед конституционалистами встал вопрос о переходе к нелегальным методам деятельности и о создании подпольной политической организации²². Милюкову и Пешехонову собранием было поручено подготовить проект «завоевания конституции», своего рода программного документа оппозиции. Проект этот, по воспоминаниям П.Н. Милюкова, был одним из первых проектов будущего «Союза освобождения». При аресте Милюкова он попал в руки жандармов, которые были удивлены «безобидностью» документа. Рассказывая об этом, Милюков хотел подчеркнуть способность Пешехонова к разумному политическому компромиссу²³. Пешехонов и особенно Анненский старались сблизить народников с либералами, считая, что и те, и другие движутся в одном направлении «и только доходят до разных точек»²⁴.

Что касается «Сына Отечества», то в исторической литературе распространено мнение, будто эта газета чуть ли не с первого дня своего возрождения была за эсерами. На самом деле издание перешло к эсерам во главе с В.М. Черновым лишь в 1905 г., в начале же своей деятельности оно держалось политической линии «Права»²⁵. Как раз в это время в нем сотрудничали либерал И.В. Гессен, эволюционные народники Н.Ф. Анненский и А.В. Пешехонов, который, по признанию Чернова, вел журнал с редким умением²⁶. К моменту, когда «Сын Отечества» окончательно стал эсеровским органом, разногласия между будущими энесами, с одной стороны, и эсерами, с

²² Минц И.И. Непролетарские партии России. Урок истории. Москва: Мысль, 1984. С. 34.

²³ Милюков П.Н. Некролог на смерть А.В. Пешехонова // Последние новости. Париж. 1933. 15 апреля.

²⁴ Цит. по: Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. С. 49.

²⁵ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Москва: Терра; Политиздат, 1993. С. 188.

²⁶ См.: Чернов В.М. Страницы из жизни А.И. Гуковского // Воля России. 1925. № 2. С. 91.

другой, уже резко обозначились, так что Пешехонов вряд ли мог публиковать свои программные статьи в эсеровской газете.

А.В. Пешехонов – министр продовольствия Временного правительства (1917).
Источник: www.hrono.ru (дата обращения: 15 сентября 2021 г.)

А.В. Пешехонов, портрет работы Ю.К. Арцыбушева.
Источник: www.hrono.ru (дата обращения: 15 сентября 2021 г.)

Зимой 1905–1906 гг. в российской политической среде состоялось множество организационных форумов. Практически все заметные на тот момент партии всевозможных идеологических ориентаций – от социал-демократов до консерваторов – провели их. Эсеры к своему учредительному съезду готовились около полугода. Делегатов выдвигали комитеты, в том числе по рекомендации ЦК и Организационного бюро партии. Все внутренние идейные направления были представлены, хотя и не пропорционально

удельному весу в партии. В работе съезда приняли участие 96 человек; все они фигурировали в протоколах под псевдонимами.

29 декабря 1905 г. съезд, на котором состоялась долгожданная партийная институционализация, открылся на Иматре (Финляндия), в отеле «Турист», хозяин которого симпатизировал эсерам. На время заседаний все двери были наглухо закрыты, а окружавший отель сад и само здание находились под охраной боевиков, которым было приказано стрелять без предупреждения в любое постороннее лицо²⁷. Однако все прошло гладко.

В ходе работы съезда предельно конкретизировались и были озвучены программные и тактические расхождения между революционерами и легалистами. На форум были приглашены четыре сотрудника «Русского богатства» – А.В. Пешехонов (Турский), В.А. Мякотин (Рождественский), Н.Ф. Анненский (Коренев) и П.Ф. Якубович (псевдоним не установлен). В.М. Чернов говорил, что на съезд «можно сказать, мы их притащили, потому что они сами не хотели туда ехать»²⁸. У так называемых «богачей» (делегатов от «Русского богатства») не было права представительства (что само по себе свидетельствует об их непринадлежности к партии), но они были встречены очень радушно²⁹; очевидно, эсеры надеялись заполучить ярких и известных в общественных кругах людей в свою организацию.

Н.Ф. Анненский. Фото 1870-х гг.

Источник: www.hrono.ru (дата обращения: 15 сентября 2021 г.)

²⁷ Русанов Н.С. Из моих воспоминаний. Снова на Родине // НИОР РГБ. Ф. 678. Картон 1. Ед. хр. 8. Л. 53.

²⁸ Показания Боброва (Натансона), Большова (Ракитникова), Кубова (Аргунова), Чернова, Бунакова (Фондаминского), Моисеенко // ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 130. Л. 145.

²⁹ Пешехонов А.В. Почему мы тогда ушли? // Русское богатство. 1917. № 11–12. С. 328.

Однако вскоре стало окончательно ясно, что альянса никак не получится: по ряду принципиальных вопросов мнения «хозяев» и «гостей», как и ожидалось, пошли вразрез. Эсеры обсуждали возможность конспиративной партии, правые народники – категорически отвергали такую форму партийного существования, так как считали ее тупиком, из которого нельзя вести ни работу с широкими массами, ни борьбу с правительственной реакцией. Представители «Русского богатства» предлагали создать две организации, у каждой из которых были бы свои тактические задачи. Одна, новая *открытая* партия, построенная на демократических началах, с подотчетностью и контролем, считали они, была бы способна сплотить массы и, возможно, даже приостановить правительственную реакцию. Именно она стала бы основной народнической силой на политической арене. Для самых исключительных случаев борьбы с полицейским произволом, по их мнению, допустимо было бы оставить старую конспиративную организацию, позволяя ей при необходимости выполнять боевые функции.

Среди делегатов съезда предложение группы «Русского богатства» относительно формы партии вызвало такое возмущение, что И. А. Рубанович (псевдоним – Шевич) назвал Мякотина либералом (по другим источникам, полулибералом)³⁰. Мякотин оторопел от нанесенного ему оскорбления, вскочил с места и потребовал немедленного извинения. После препирательств Рубанович извинился, взял свои слова обратно, и внешне инцидент был исчерпан. Однако уже много дней спустя на заседаниях редакции «Русского богатства» Мякотин продолжал возмущаться:

Какие это товарищи? Разве так с товарищами полемизируют?.. Осмелиться сказать, что мы не социалисты, а так, какие-то либералишки, и только потому, что не боимся на каждом шагу борьбой классов!³¹

Весь этот эпизод показывает отношение тогдашних социалистов к идеологическим клише: революционер – звание почетное, либерал – обыватель и политический приспособленец. Значит, аттестация «либеральные народники», данная энесам позже отечественной историографией, явно не пришлась бы им по душе.

Прочие разногласия народников на учредительном съезде ПСР носили частно-идеологический характер. Эсеры отстаивали необходимость непременно вписать в программу требование республики; представители «Русского

³⁰ *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 244.

³¹ *Русанов Н.С.* Из моих воспоминаний. Снова на Родине // НИОР РГБ. Ф. 678. Картон 1. Ед. хр. 8. Л. 67–68.

богатства» этот пункт как раз не считали существенным, предложив альтернативную формулировку – «народовластие», которая, как они уверяли, не ограничивает выбора форм государства со справедливым, демократическим общественным строем. Немедленное же требование республики, по мнению В.А. Мякотина, в условиях особенностей мировосприятия русской деревни отдаляет партию от жизненной работы³².

Кроме того, эсеров возмутило пренебрежение гостей делением программы на «минимум» и «максимум». Последние же считали разумным в общественном развитии не скачкообразность и надрыв, а последовательное, упорядоченное движение, приводящее в результате к качественным изменениям, и называли такой подход как раз той самой революционностью, которой эсеры не желают в них признавать.

Наша программа, в отличие от с.-д., революционна не только в конечном пункте, но и на всем протяжении пути к социализму, и ее нельзя делить на две части³³, –

заявил В.А. Мякотин. Не поддержали правые народники и эсеровского проекта социализации земли – едва ли не главного пункта программы партии, позиционировавшей себя как крестьянская. Их собственное видение решения аграрного вопроса в России – национализация – представлялось им гораздо более конкретным и определенным, чем эсеровское. Государство – испытанный временем и понятный всем институт, альтернативы которому в деле рационализации общественной жизни до сих пор не придумано. С ликвидацией частной собственности лишь оно способно, при условии его социалистической реорганизации, централизованно распоряжаться земельными ресурсами и успешно вести справедливую аграрную и социальную политику. При этом «государственная собственность», «национализированная собственность» должны были пониматься как «народная собственность». Государству должна была принадлежать верховная собственность на землю; пользование же землей было за трудящимися, ближайшее распоряжение отдавалось концентрической лестнице местных союзов³⁴. Выразили недовольство эсеровским проектом представители «Русского богатства» и в части плана осуществления аграрных преобразований. Проведение земельной реформы, доказывал Н.Ф. Анненский, не может идти путем захватов и партизанской борьбы. Ее может осуществить

³² Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т. 1: 1900–1907 гг. / автор предисловия, введения и комментариев Н.Д. Ерофеев. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 287.

³³ Пешехонов А.В. Почему мы тогда ушли? С. 334.

³⁴ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1907 гг. С. 285.

лишь народная воля исключительно правовым путем, хотя, признал оратор, захваты своим давлением на общественное мнение могут приблизить наступление такого момента.

Самым ярким участником съезда, по свидетельству М.В. Вишняка, был эсеровский идеолог В.М. Чернов, выступавший под псевдонимом Тучкин. Он показал себя мастером компромиссов³⁵. Однако его дипломатический талант оказался бессилён перед решением группы «Русского богатства» поздним вечером 31 декабря 1905 г. покинуть съезд и таким образом окончательно разорвать связи, тяготившие, по-видимому, обе стороны. Позже В.М. Чернов назвал большой ошибкой Пешехонова и Мякотина решение основать свою партию, так как, по его мнению, у них не было необходимых для этого качеств. Конечно, здесь не обошлось без обиды и политической ревности, отразившихся и на дальнейших взаимоотношениях народнических лидеров.

В.М. Чернов – лидер Партии социалистов-революционеров.
Источник: www.hrono.ru (дата обращения: 15 сентября 2021 г.)

Название «народные социалисты» появилось в журналистской среде уже в 1905 г. Оно должно было отражать народническую преемственность, приверженность социалистическому идеалу и внеклассовый характер нового политического течения³⁶. Как и все прочие российские партии, народно-социалистическая была создана «сверху», а ее сугубо интеллигентский состав

³⁵ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / ответственный редактор Н.И. Канищева. Москва: РОССПЭН, 1997. С. 686.

³⁶ Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы / составители А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. Москва: РОССПЭН, 2003. С. 492–493.

еще более подчеркивал аналогичную черту российской партийно-политической системы. По свидетельству А.Ф. Пешехоновой, «весь ноябрь и декабрь 1905 г. у А.В. [Пешехонова] прошли в напряженной и активной работе по организации народно-социалистической партии»³⁷. Из сохранившейся переписки В.А. Мякотина и В.И. Семевского видно, что первая половина 1906 г. была посвящена деятельности в том же направлении, которая оказалась очень непростой³⁸: идейная слаженность политического костяка «Русского богатства» не была абсолютной³⁹, и внутри него подчас вспыхивали страстные споры⁴⁰. Не все сочли удачным и название «народно-социалистическая»⁴¹. Однако рабочие моменты не помешали завершить процесс формирования новой неонароднической партии, занявшей в политическом спектре России левоцентристскую позицию.

Официальным заявлением о выходе на политическую арену Российской империи трудовой (народно-социалистической) партии⁴² стал выпуск в сентябре 1906 г. первого программного партийного бюллетеня «Народно-социалистическое обозрение». К ноябрю, когда партия была конституирована⁴³, пройдя регистрацию в Департаменте полиции и проведя учредительную конференцию, где были приняты ее программа и устав, она насчитывала около 2 тыс. человек в 56 местных отделениях. В организационный комитет вошли 17 человек: Н.Ф. Анненский, Л.Л. Бенуа, М.В. Беренштам, В.Г. Богораз (Тан), С.Я. Елпатьевский, Д.К. Заболотный, Ф.Д. Крюков, Н.И. Лутугин, В.А. Мякотин, А.Б. Петрищев, А.В. Пешехонов, А.А. Роде, Н.И. Розанов, В.И. Семевский, А.А. Титов, В.И. Чарнолусский, Н.Н. Шнитников⁴⁴.

³⁷ Пешехонова А.Ф. Былое (воспоминания об А.В. Пешехонове) // НИОР РГБ. Ф. 225. К. 1. Д. 65. Л. 50.

³⁸ Письма В.А. Мякотина В.И. Семевскому // Архив Российской академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 489. Оп. 3. Д. 501. Л. 96–98, 100–102.

³⁹ Письма Короленко В.Г. // НИОР РГБ. Ф. 135. Разд. II. Картон 36. Ед. хр. 10. Л. 45–47.

⁴⁰ Пешехонов А.В. Письма к Розенбергу В.А. 1897, 1902–1905 // НИОР РГБ. Ф. 251. Картон 18. Ед. хр. 33; Пешехонов А.В. Война и наши задачи. Статья. 1904. Корректировочные листы // НИОР РГБ. Ф. 225. Картон 1. Ед. хр. 2; Письма Короленко В.Г. // НИОР РГБ. Ф. 135. Разд. II. Картон 36. Ед. хр. 10. Л. 50.

⁴¹ Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. С. 492–493.

⁴² Таково было официальное название организации. В данном случае слово «трудовая» означало характер партии, ориентированной на людей труда, который хотели подчеркнуть организаторы, а не причастность к народно-социалистической партии Трудовой группы, как в 1917 г. (прим. автора).

⁴³ Леонов М.И. Народничество в партийных и общественных отношениях рубежа XIX–XX вв. // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3 / редколлегия: Г.Н. Мокшин (ответственный редактор) и др. Воронеж: Истоки, 2019. С. 151.

⁴⁴ Схема организации Трудовой (народно-социалистической) партии // Народно-социалистическое обозрение. 1906. Вып. 1. С. 15–16.

Заключение

Думается, причастность умеренных народников в первые годы XX века, до их собственной партизации, к эсерам можно объяснить следующим образом. Политический темперамент настойчиво звал их искать сферу приложения энергии. Собственную организационную нишу создать можно было (и получилось) лишь тогда, когда произошло настоящее агрегирование правонароднических сил, сформировался круг единомышленников – то есть к 1905 году. До этого в рамках редакции «Русского богатства» будущие народные социалисты знакомились между собой, «притирались» друг к другу, учились у Н.К. Михайловского и других эволюционных народников старшего поколения, вырабатывали собственный политический вкус, в том числе отношение к методам борьбы за свои идеалы. В большинстве своем недавние провинциалы, они постепенно приобщались к столичной общественно-политической деятельности, имея главным профессиональным занятием публицистику. Как политикам на первых порах им необходимо было примкнуть к кому-то, кто более подходил им по воззрениям и отношению к существующему порядку вещей. Тому показателем служит сотрудничество и с либералами, и с революционными народниками. Деятельность последних оказалась более яркой и громкой, поэтому организационные связи с эсерами были плотнее, да и известны лучше. Объединяла всех неонародников социалистическая идеология; по ряду принципиальных вопросов взгляды правых и левых были весьма близки. Если же говорить о народных социалистах как о некогда правоэсеровской «фракции», отколовшейся от партии на съезде, то нужно, чтобы она хотя бы количественно могла подходить под статус фракции. Между тем имен людей, о которых достоверно известно, что в молодости они имели непосредственное отношение к ПСР, а затем стали энесами, на самом деле мало. Речь обычно идет о будущих лидерах и идеологах НСП А.В. Пешехонове, В.А. Мякотине, Н.Ф. Анненском (которого, как было сказано, с либералами объединяло большее, чем с эсерами), но сторонников они за собой увести не могли по причине отсутствия таковых: единомышленники к ним стали присоединяться позже, когда у них была уже собственная партийная организация. Следовательно, утверждение о самостоятельности появления народно-социалистической партии представляется основательным и логичным.

Introduction

The Narodnik or populist movement of Russian socialism has traditionally been of great interest to researchers. In the post-Soviet period, its study gained particular relevance because it was the Populists who put a number of proposals on the agenda of the democratic renewal of Russia in the early 20th century, these proposals being quite up-to-date even now. Among them are problems of the relationship between the state, law, and citizens (an issue that is currently being discussed within the discourse on civil society and the rule of law), violence and nonviolence in the exercise of power and the process of political struggle, social solidarity, the education of civil law awareness and human consciousness, etc. The neo-populist parties (the Socialist-Revolutionaries and the Popular Socialists) paid close attention to the search for solutions to these questions both in their programs and in their actual political activities. “Socialism with a human face” was the model to which both revolutionary and evolutionary Populists aspired, although the ways of achieving this model and the nature of the guiding organization (party) differed significantly in their points of view.

The problem of the formation of neo-populist political parties, which played a significant, even key role in the Russian revolutions, is not yet “closed” even considering the amount of studies devoted to this question. The reason for this is the great diversity of organizations that were united in the early 20th century into a single Socialist-Revolutionary movement, and, as a consequence, the multiplicity of tactical and ideological nuances within this united environment. Of particular interest is the question of the independence of the origin of the Popular Socialist Party that was officially registered with the Police Department in the fall of 1906.

The historiography of the Popular Socialist Party dates back no more than half a century. Soviet historians neatly followed Lenin’s instructions, who did not regard the Labor Popular Socialist Party (the NSP) as an independent political force. Therefore, before the 1970s, they had not paid any special attention to this “petty-bourgeois” organization. The few mentions of the party or its individual figures implied (again, as proof of lack of independence) that the Popular Socialists were the right wing of the Socialist-Revolutionaries, had left the party because of political caution and indecision, and therefore deserved even less respect than the Socialist Revolutionary Party (the SRs). The conviction that the NSP was a pseudo-socialist organization without its own political face led Soviet historians to the conclusion that the activities of the Popular Socialists were doomed to failure both in theoretical and practical spheres. Nevertheless, from the late 1970s, studies on the Popular Socialists and the Labor Group known as the Trudoviks began to appear. Such studies were valuable from a factual point of view and provided future support for further works of

the period of ideological pluralism.¹ N. Erofeev was the first scholar to draw attention to the Popular Socialist Party as an organization worthy of special study, characterizing it without the usual condemnation and arrogance dictated by the officious line regarding any non-Bolshevik parties.² However, most publications on non-proletarian parties quite often used such terms as “collapse,” “bankruptcy,” and “failure” to evaluate the results of their activities. The genre of political portrait, which would have allowed showing the Populists (and not only them) in a personal dimension, was hardly ever used.

This situation began to change noticeably only in the post-Soviet period. The process of studying the political doctrine of the Labor Popular Socialist Party became more active. Scholarly biographies of the leaders of the moderate Neo-Populism began to appear. In the literature of the last decade of the 20th century, we can observe not only a revision of earlier trends but also a growing interest in the role and place of the party in the political history of the country between 1906 and 1917, which were now recognized as quite notable and worthy. Gradually, the attention of researchers also shifted to the research of parties in general. In this case, parties were seen as components of the Russian multiparty system. Getting rid of tendentiousness, scientific works of that time became much more objective and the analysis presented in them became much more multidimensional. The Labor Popular Socialist Party “found” its own historiographers and was seen as an independent, distinctive, and quite influential subject of political life in revolutionary Russia.³ Among the researchers of the Socialist Revolutionary Party who showed interest in the topic of

¹ G.D. Alekseeva, *Populism in Russia in the 20th century. Ideological evolution* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1990); V.N. Ginev, *Struggle for the Peasantry and the crisis of Russian Neo-Populism. 1902–1914* [in Russian] (Leningrad: Nauka: Leningradskoe otdelenie, 1983); V.G. Khoros, *Populist ideology and Marxism in the late 19th – early 20th century* [in Russian] (Moscow: URSS, 2021).

² N.D. Erofeev, *Popular Socialists in the First Russian Revolution* [in Russian] (Moscow: MGU, 1979).

³ A.Yu. Suslov, *Russian Socialists after October 1917 in Russian historiography* [in Russian] (Kazan: KNITU, 2013); A.V. Sypchenko, *The Popular Socialist Party in 1907–1917* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1999); A.V. Sypchenko, *The Labor Popular Socialist Party: theory and practice* [in Russian] (Samara: SGPU, 2004); A.V. Sypchenko, “Popular Socialists and Terror” [in Russian], *Memorial*, accessed May 5, 2021, <http://memo.ru/history/terror/sypchenko.htm>; E.N. Ioganson, “V. Myakotin: A Historian and a Popular Socialist” [in Russian], *Svobodnaya Mysl'*, no. 4 (1993): 107–17; M.N. Moseikina, “The Labor Popular Socialist Party in contemporary Russian historiography” [in Russian], *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, no. 1 (2009): 47–60; O.L. Protasova, *A.V. Peshekhonov: The man and the era* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2004); O.L. Protasova, *Activists of democratic socialism in the context of the political culture of Russian society of the first quarter of the 20th century: A monograph* [in Russian] (Tambov: TGTU, 2017); et al.

the division of the Neo-Populists into two different competing parties in the early 20th century, one should definitely distinguish M. Leonov.⁴

As for foreign historiography, the NSP has not been the object of its special attention. Rare mentions could be found only in the context of its interaction with the Socialist-Revolutionaries (the SRs), a major and influential organization that attracted European and American researchers with its democracy, unfulfilled potential, and tragic fate.⁵

Main Body

The emergence of the first Socialist-Revolutionary organizations dates back to the mid-1890s. The name “Socialist-Revolutionaries” they adopted meant continuity and kinship with the Populists (the Narodniks) of the 1870s. As a rule, they tried to avoid using the word “Narodnik” because it was not considered an honorable name at that time. Marxism was more popular. It had come from Europe and in the eyes of the younger generation it was associated with progressive ideas and the expectation that Russia would inevitably join the family of the advanced countries of freedom and democracy. For the future Neo-Populists, however, Marxism did not look like a universal doctrine, primarily because of its class separatism. In contrast to Marx’s followers, they believed that it was unfair to divide the workers into segments that were more or less useful to the revolution. In the 1890s, there was a serious ideological struggle between the Populists and supporters of Marxism. To a large extent, this fact contributed to the future self-determination of politically active members of the 1860s–1880s generation.

On the eve of the 20th century, the ranks of the Socialist-Revolutionaries were rather heterogeneous, and so were their views, which were an eclectic mix of both classical and revised Marxism and Populism. The influence of Marxism was expressed in the fact that the Populists’ hopes for the emancipation of Russia in the late 19th century were primarily connected with the proletariat rather than the peasantry. It was believed that the proletariat was more organized and conscious and therefore more capable of absorbing the new ideas broadcasted through propaganda

⁴ M.I. Leonov, *The Party of Socialist-Revolutionaries in 1905–1907* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1997).

⁵ M. Hildermeier, *Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914)* (Köln: Böhlau Verlag, 1978); M. Hildermeier, “Revolution und Revolutionsgeschichte”, in *Die Umwertung der sowjetischen Geschichte*, ed. D. Gayer (Köln: Böhlau Verlag, 1991), 32–53; M. Hildermeier, “Arbeiterschaft und politische Radikalisierung in der Revolution 1905–1907,” *Geschichte und Gesellschaft*, Bd.16 (1990): 512–35; A. Geifman, *Thou Shalt Kill. Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995); H. Immonen, *The agrarian program of the Russian Socialist-Revolutionary Party, 1900–1914* (Helsinki: Finnish Historical Society, 1988).

and agitation. However, there were also supporters of the “rural” line who believed it necessary to give more attention to political and educational work among the peasantry.⁶ Political downtroddenness, poverty, ignorance, and the fact that they were spread over vast territories did not allow the peasantry to become a full ally of the Socialist-Revolutionaries at the moment. However, it was still seen as having a revolutionary potential. In order to develop it, the party planned to propagate among the peasantry the ideas of socialism and especially of political freedom.⁷

In general, at the beginning of the 1900s, the name “the Party of Socialist-Revolutionaries” was a collective name and did not strictly limit the circle of the followers of a single unified political line. The organization lacked a concept, a charter, and a program that which would be shared by all of its members.

The work of the Socialist-Revolutionaries in this direction intensified in 1902. The way towards the creation of a unified concept was extremely difficult and painful. The SRs could not find a compromise on a number of key issues: on terror, including the agrarian sphere (the so-called land grabbing), on the socialization of land, on the need to divide the program into “a minimum program” and “a maximum program,” on the attitude to Marxism, etc. During the two following years (1902–04), the newspaper *Revolutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia], which received the status of the central organ of the Party of Socialist-Revolutionaries, gradually set out a coherent theoretical concept of the party. It can be said that this particular periodical played a key role in consolidating the party ranks. The motivation to the consolidation of the Socialist-Revolutionaries was also provided by the speeches of the Social Democrats and then the Liberals.

The party was formed according to Russian classical models, “from above”: at first the central organizations were established and then the local groups were formed. There were no elected bodies, no charter, and no membership criteria. The ties between the center and the periphery were not smooth. As for the number of organizations, M. Leonov provides the following figures: there were 28 organizations in 1902 and 74 in 1904.⁸ The Socialist Revolutionary Party was primarily represented by the intelligentsia, although there was also a number of workers and peasants. By the way, the issues of expanding the social composition of the Party were of great concern to its activists. Starting from 1902, peasant communities and unions, groups of students and soldiers were formed.⁹

⁶ Leonov, *The Party of Socialist-Revolutionaries*, 24.

⁷ Leonov, *The Party of Socialist-Revolutionaries*, 24.

⁸ Leonov, *The Party of Socialist-Revolutionaries*, 37.

⁹ M.I. Leonov, *Left-wing Populism at the beginning of the proletarian stage of the Liberation Movement in Russia* [in Russian] (Kuibyshev: Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet, 1987), 57.

The moderate, evolutionary wing of Russian Populism was represented by the Popular Socialists (commonly known as the NSs). In the autumn of 1906, they were officially registered as the party of the same name (the Labor Popular Socialist Party (the NSP) after the merger with the Trudoviks in July 1917). It existed in Russia from 1906 till 1920; in emigration, till 1940 at the latest. The representatives of this party are sometimes referred to as Liberal Populists because of the nature of their preferred methods of political struggle and similarity of their views on a number of issues to those of the Liberals.

There is an opinion, which was supported by official Soviet historiography, that the Popular Socialists were none other than the right wing of the Socialist-Revolutionaries, who at a certain point separated themselves from the party.¹⁰ The sources of the Popular Socialists, however, contradict this assertion, but it should be admitted that this opinion is rather reasonable. The reasons for the emergence of this version are clear. Firstly, Soviet historical science, oriented towards studying the major parties whose defeat was credited to the Bolsheviks, following Lenin's estimations, called the Popular Socialists "the Kadets in disguise" or "the Mensheviks gravitating to the SRs," etc., and did not perceive them as an independent political phenomenon and "associated" them either with the Kadets or, even more frequently, with the Socialist-Revolutionaries. Secondly, close contacts in the publicist activities and the provision of conspiratorial services to the Socialist-Revolutionaries by some future Popular Socialists gave reasons to believe that the latter could also be considered members of the Socialist-Revolutionary Party by default. Such an assumption is only conditionally possible because the Socialist Revolutionary Party had not been formalized at that time. Those who were considered members of the Socialist Revolutionary Party had neither membership cards nor formal obligations to the party. Nor were any statistical records kept about the party activities. Party membership could be expressed simply "by the fact" of sympathies and support (for example, in the same way as in some modern Western countries: whoever voted for a party in the last election could be considered a member).¹¹ Such an approach is justified for amateurs, as it gives an idea of the inter-party closeness of the Populists,

¹⁰ *Soviet Historical Encyclopedia* [in Russian], vol. 16 (Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1976), 597

¹¹ M.A. Natanson characterized the situation with the membership in the Socialist Revolutionary Party as follows: "How were the members accepted? Those who were considered to be good men were accepted." ("Sudebno-sledstvennaya komissiya TsK PSR po delu E. Azefa" [Judicial and Investigative Commission of the Central Committee of the PSR in the case of E. Azef]. *Perepletennye tetradi s pokazaniyami, otpechatannymi na mashinke Bobrova* (Natanson) [Bound notebooks with typewritten testimonies of Bobrov (Nathanson)]. F. 1699, op. 1, d. 123, l. 4. Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation], Moscow, Russia.)

but it is too simplistic and generalized for professional. The instances of the right-wing Populists' assistance to the Socialist-Revolutionaries reveal their sympathy for many of the views and actions of an ideologically close organization at the time when they themselves were searching for their own political direction. This direction did not exclude an alliance with the Socialist-Revolutionaries, but not on terms dictated by the latter. A. Peshekhonov and V. Myakotin, the leaders of the future NSP, took part in the discussion of the program draft for the Socialist-Revolutionary Party and were going to present their own version. There are other arguments in favor of the affiliation of the future Popular-Socialist activists with the Socialist-Revolutionaries, for example, the words of V. Zenzinov:

In addition to Lassalle and Jaurès,¹² we then had another remarkable speaker in our party – Benedikt Alexandrovich Myakotin, who later left our party to join the new party formed in 1906, the Popular Socialist Party.¹³

V.A. Myakotin

Source: www.hrono.ru, accessed September 15, 2021

According to The Department for Protecting the Public Security and Order (the Guard Department or Okhrana), Peshekhonov and Myakotin were members of the St Petersburg Committee of the Socialist Revolutionary Party.¹⁴ V. Chernov insisted

¹² The text mentions Socialist-Revolutionaries who resembled the French socialists of the same names to their fellow party members. I. Fondaminskii (pseudonym Bunakov) was called Lassalle and N. Avksentiev was called Jaurès.

¹³ V.M. Zenzinov, *What I lived through* [in Russian] (New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1953), *Khronos*, accessed September 15, 2021, http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zenzin04.html

¹⁴ "O pomoshchnike prisyazhnogo poverennogo L've Zeilikove Franke" [About Assistant Attorney at Law Lev Zeilikov Frank]. F. 102, DP OO, op. 228, 1898, d. 80, l. 144. GAFR.

that both of them “at the time considered themselves members of our party.”¹⁵ N. Avksentiev, M. Natanson, S. Sletov, and N. Rusanov stated the same.¹⁶ P. Milyukov had a similar opinion.¹⁷ It is possible, of course, that the latter did not go into the nuances of internal socialist relations from the “outside,” from the liberal point of view, and perceived all Socialists-Populists, so to speak, in a generalized way. At that time, the SRs were the only populist party known to their contemporaries. Accordingly, all the processes related to the Populist community were associated with the Socialist Revolutionary Party.

The strongest denials of the right-wing Populists’ affiliation with the SRs, which over the years became even stronger, were voiced by A. Peshekhonov. For example, in 1906 he described the Socialist-Revolutionaries as “friends in terms of political direction” with whom there was just disagreement on organizational matters. In 1917, he wrote: “Although not formally part of the Socialist Revolutionary Party, Myakotin and I were close to it almost from the moment of its emergence.” In 1924, he stated the following: “I did not belong to the Socialist Revolutionary Party and have never been in obligatory relations with it.”¹⁸ Years later, the relationships among the Populists became less and less close, but this did not mean that Peshekhonov was lying. There is indeed no documentary evidence that he or his associates from the *Russkoe Bogatstvo* were members of the Socialist Revolutionary Party. One more piece of evidence of the party “autochthony” of the evolutionary Populists is the fact that the memoirs of the alleged fellow party members, with the exception of the aforementioned V. Zenzinov, neither contain such attributions as “Socialist-Revolutionary Peshekhonov,” “Socialist-Revolutionary Myakotin,” nor describe any other organizers of the NSP as Socialist-Revolutionaries. At the same time, it is common knowledge that, for example, V. Chernov joined the Socialist Revolutionary Party back in the 1890s. and N. Avksentiev, M. Vishnyak, A. Gots, the above-mentioned V. Zenzinov and others joined the Socialist Revolutionary Party in the late 1890s – early 1900s (we know all the details of them joining this organization, their doubts and internal compromises from their own memories), and these persons were those who became the right wing of the party. For some Populists, the choice of a party was not quick and easy. For example, P. Yakubovich (Melshin), a Russian writer and poet, the author of the memoir about penal servitude *V mire otverzhennykh*

¹⁵ A.V. Peshekhonov, “My relationship with Azef” [in Russian], *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 33–34, 1924, 14.

¹⁶ N.S. Rusanov, “Iz moikh vospominanii. Snova na Rodine” [From my memories. A return to the homeland]. F. 678, karton 1, ed. khr. 8, l. 54. Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisei Rossiiskoy gosudarstvennoi biblioteki [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library] (NIOR RGB), Moscow, Russia.

¹⁷ P.N. Milyukov, *Memoirs* [in Russian], vol. 1 (Moscow: Sovremennik, 1990), 273.

¹⁸ Cited in Leonov, *The Party of Socialist-Revolutionaries*, 240.

[In the World of the Outcast], eventually returned to the SRs because their program and tactics suited his psychological nature and his past as a member of the underground more than the program and tactics of the Popular Socialists. N. Oganovskii, who changed his party affiliation and joined the SRs as late in 1917, was guided by “utilitarian” motives. He decided to run for the Constituent Assembly on behalf of the Socialist Revolutionary Party not because of his ideas but because of the greater opportunities that Russia’s largest party could offer. In contrast, A. Titov, a famous chemist who supported the SR Combat Organization with his own money in his young years, started taking an active part in the development of the Popular Socialist Party and become one of the founders of its Moscow group.

Thus, in our opinion, if we consider the term “socialist-revolutionary” as a collective term used to denote belonging to the community engaged in active opposition activities and having socialist convictions, it is quite reasonable to consider the right-wing Populists as members of the Socialist revolutionary Party. However, if membership in a particular party organization is implied, the Popular Socialists cannot be considered Social-Revolutionaries. When weighing the pros and cons in judging the actual participation of the future Popular Socialists in the Socialist-Revolutionary political organization, it is probably worth considering the evidence of contemporaries, even though such evidence could also be subjective because in the course of time and under the influence of emotions, many people might have confused or forgotten something, changed their attitude to what was happening years ago, etc. The moderate Populists had ambitions to create their own party even before the First Russian Revolution. The expression “friends in terms of political direction,” used by M. Natanson, A. Peshekhonov and others, is perhaps the truest description of the relationship between the Socialist-Revolutionaries and the future Popular Socialists. Natanson testified that members of the Socialist Revolutionary Central Committee offered Peshekhonov, Myakotin and Annenskii to join their Central Committee and almost “dragged” them into the party, but were consistently refused (another proof of the formal non-involvement of the right-wing Populists in the Socialist Revolutionary Party!). The reasons for that were irritation with the superiority of the “emigrants,” different views on the agrarian question, dissatisfaction with extreme revolutionary radicalism of the Socialist-Revolutionaries and their focus on armed rebellion.¹⁹ Until the end of 1905, both the left-wing and the right-wing Populists jointly edited a number of periodicals, including the newspaper *Syn Otechestva* [The Son of the Fatherland]. According to N. Rusanov, one of the “elders” of the Socialist-Revolutionaries who knew practically all the prominent members of the Populist circle, the moderate Populists took every opportunity “to

¹⁹ Leonov, *The Party of Socialist-Revolutionaries*, 197.

remove words and phrases that seemed unnecessarily harsh from the articles written by Socialist-Revolutionaries.”²⁰

When peasant unrest started in Russia in the summer of 1905, the ideologists of the *Russkoe Bogatstvo* were alarmed. In their publications, they protested against the apolitical or, more specifically, the anarchic character of the peasant movement and against its tendency to solve huge and complicated issues “by its own means.” They saw the only means of avoiding the pernicious consequences of such anarchism in introducing the peasant movement into the mainstream of statehood. Thus, the right-wing Populists began to oppose their own *étatisme* to the SR’s “distrust of the bourgeois state and re-evaluation of the economic union – the community.”²¹ In short, they opposed their project of nationalization to the project of socialization of the Socialist-Revolutionaries.

At the same time, to which the alleged “Socialist-Revolutionary course” of the moderate Populists is attributed, Peshekhonov, Annenskii and others collaborated with the Liberal opposition no less closer than with the Radicals. They participated in the “liberation” movement, which sought to embrace and unite all the forces that opposed the autocracy. At the turn of the century, A. Peshekhonov met P. Milyukov. For many years their relations were accompanied by deep mutual respect and sympathy, which, however, did not sometimes exclude mutual criticism on controversial political issues. The subject that brought them closer was constitutionalism, which, in general, was close to all right-wing neo-Populists. At one of the meetings of the intelligentsia belonging to the opposition in 1900, Milyukov proposed to fight “on the verge of legality.” The idea of constitutional monarchy (the desired form of government for most liberal activists at the time because republican sentiments among them were still very weak) was far beyond the limits of autocratic legality. Therefore, the constitutionalists faced the question of adopting the illegal methods of activity and creating an underground political organization.²² Milyukov and Peshekhonov were instructed by the meeting to prepare a project for “winning the constitution,” a kind of a program document of the opposition. According to P. Milyukov’s memoirs, this project was among the first projects of the future Union of Liberation that was later founded in St Petersburg. When Milyukov was arrested, this document got into the hands of the gendarmes, who were surprised by its “harmlessness.” Speaking about this, Milyukov wanted to emphasize Peshekhonov’s

²⁰ N.S. Rusanov, “Iz moikh vospominanii. Snova na Rodine” [From my memories. A return to the homeland]. F. 678, karton 1, ed. khr. 8, l. 39. NIOR RGB.

²¹ A.V. Peshekhonov, “Chronicle of inner life” [in Russian], *Russkoe bogatstvo*, no. 6 (1905): 230–33.

²² I.I. Mints, *Non-proletarian parties in Russia. A history lesson* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1984), 34.

ability to make reasonable political compromises.²³ Peshekhonov, and especially Annenskii, tried to bring the Populists closer to the Liberals, believing that both of them were moving in the same direction “only reaching different points” along the way.²⁴

As for the newspaper *Syn Otechestva*, there is a widespread opinion in historical literature that this periodical belonged to the Socialist-Revolutionaries almost from its very first day. In fact, it went to the Socialist-Revolutionaries headed by V. Chernov only in 1905. Right in the beginning of its work, it adhered to the political line of the right wing.²⁵ Liberal I. Gessen and evolutionary Populists N. Annenskii and A. Peshekhonov collaborated with it at that time and, according to Chernov, ran the newspaper with rare skill.²⁶ By the time *Syn Otechestva* finally became the SRs’ organ, the differences between the future Popular Socialists and the Socialist-Revolutionaries had become obviously clear, which is why Peshekhonov could hardly publish his articles in the SRs’ newspaper.

A.V. Peshekhonov, Minister of Food of the Provisional Government (1917)

Source: www.hrono.ru, accessed September 15, 2021

²³ P.N. Milyukov, “Obituary for the death of A.V. Peshekhonov” [in Russian], *Poslednie novosti*, Paris, April 15, 1933.

²⁴ Cited in Erofeev, *Popular Socialists in the First Russian Revolution*, 49.

²⁵ I.V. Gessen, *In two centuries. The account of my life* [in Russian], Archive of the Russian Revolution, vol. 22 (Moscow: Terra; Politizdat, 1993), 188.

²⁶ See V.M. Chernov, “Pages from the life of A.I. Gukovskii” [in Russian], *Volya Rossii*, no. 2 (1925): 91.

A.V. Peshekhonov, portrait by Yu.K. Artsybushev
Source: www.hrono.ru, accessed September 15, 2021

In the winter of 1905–06, many organizational forums took place in the Russian political environment. Practically all of the notable parties of the time of all possible ideological orientations, from the Social Democrats to the Conservatives, held such forums. The Social-Revolutionaries had been preparing for their founding congress for about six months. The delegates were nominated by committees; some of them, on the recommendation of the Central Committee and the Organizational Bureau of the Party. All internal lines of political thought were represented, although not in proportion to their specific weight in the party. The congress was attended by 96 people. All of them appeared in the minutes of the sessions under pseudonyms.

On December 29, 1905, the congress where the long-awaited party institutionalization took place opened in Imatra (Finland) at the Tourist hotel, the owner of which sympathized with the Socialist-Revolutionaries. During the sessions, all doors were locked and the garden surrounding the hotel and the building were guarded by militants who were ordered to shoot without warning at any unauthorized person.²⁷ However, everything went smoothly.

During the work of the congress, the differences in the party's program and tactics between the revolutionaries and the legalists were concretized and voiced out by the participants in the congress. Four employees of the *Russkoe Bogatstvo* were also invited to join the forum, namely A. Peshekhonov (Turskii), V. Myakotin (Rozhdestvenskii), N. Annenskii (Korenev), and P. Yakubovich (pseudonym not established). V. Chernov stated, "One could say we almost dragged them to the

²⁷ N.S. Rusanov, "Iz moikh vospominanii. Snova na Rodine" [From my memories. A return to the homeland]. F. 678, karton 1, ed. khr. 8, l. 53. NIOR RGB.

congress because they did not want to go there.”²⁸ The so-called People of Wealth (delegates from the *Russkoe Bogatstvo*, literally the Russian Wealth) did not have the right of representation (which indicates that they were not considered to be members of the party), but they were received very cordially.²⁹ Obviously, the SRs hoped to involve the bright people who were well-known among the public into their organization.

N. Annenskii. Photo taken in the 1870s
Source: www.hrono.ru, accessed September 15, 2021

However, soon it became clear that no alliance was possible: the opinions of the “hosts” and the “guests” on a number of fundamental issues, as expected, appeared to be completely different. The SRs discussed the possibility of a conspiratorial party, while the right-wing Populists categorically rejected this form of party existence because they considered it a dead end from which work with the broad masses and struggle against governmental reaction could hardly be possible. The representatives of *Russkoe Bogatstvo* suggested founding two organizations, each of which would have its own tactical objectives. They believed that one on them, a new *open* party, built on democratic principles, with accountability and control, would be

²⁸ “Pokazaniya Bobrova (Natansona), Bol'shova (Rakitnikova), Kubova (Argunova), Chernova, Bunakova (Fondaminskogo), Moiseenko” [Testimony of Bobrov (Natanson), Bolshov (Rakitnikov), Kubov (Argunov), Chernov, Bunakov (Fondaminskii), Moiseenko]. F. 1699, op. 1, d. 130, l. 145. GAFR.

²⁹ A.V. Peshekhonov, “Why did we leave then?” [in Russian], *Russkoe bogatstvo*, no. 11–12 (1917): 328.

able to unite the masses and perhaps even suspend the government's reaction. It would be the main populist force in the political arena. For the most exceptional cases of fighting police brutality, it would be acceptable to keep the old conspiratorial organization, allowing it also to perform certain combat functions when necessary.

The proposal of the *Russkoe Bogatstvo* group on the form of the party caused such indignation among the delegates to the congress that I. Rubanovich (pseudonym Shevich) called Myakotin a Liberal (according to other sources, a semi-Liberal).³⁰ Myakotin was taken aback by the insult, jumped up from his seat, and demanded an immediate apology. After some quarreling, Rubanovich apologized, took back his words, and the incident seemed to be over. However, many days later, at the meetings of the editorial board of *Russkoe Bogatstvo*, Myakotin continued to express indignation:

What kind of comrades are they? Is that how you argue with comrades? They dare to say that we are not socialists, but petty liberals, and this is only because we do not swear at every step by the class struggle!³¹

This episode shows the attitude of the socialists of that time to ideological clichés: a revolutionary is an honorary title and a liberal means a philistine and political opportunist. So, the attestation “liberal Populists,” given to them later by Russian historiography, clearly would not have been to their liking.

Other disagreements of the Populists during the founding congress of the Socialist Revolutionary Party were of a private ideological nature. The SRs defended the necessity of definitely including the demand for a republic into the party program. The representatives of *Russkoe Bogatstvo*, in their turn, did not consider this point essential and proposed an alternative formulation – “grassroots democracy,” which, as they asserted, did not limit the choice of forms of state with a fair, democratic social system. According to V. Myakotin, the immediate demand for a republic in the conditions of the peculiar worldview of the Russian village would have distanced the party from its fundamental work.³²

In addition, the Socialist-Revolutionaries were outraged by the guests' neglect of the division of the program into “a minimum program” and “a maximum program.” The guests, however, considered it reasonable for social development to be characterized by a consistent, orderly movement resulting in qualitative changes

³⁰ Leonov, *The Party of Socialist-Revolutionaries*, 244.

³¹ N.S. Rusanov, “Iz moikh vospominanii. Snova na Rodine” [From my memories. A return to the homeland]. F. 678, karta 1, ed.khr. 8, ll. 67–68. NIOR RGB.

³² *The Party of Socialist-Revolutionaries. Documents and materials* [in Russian], vol. 1, 1900–1907, with a foreword, introduction and commentary by N.D. Erofeev (Moscow: ROSSPEN, 1996), 287.

rather than by unevenness and agitation and referred to this approach as that very “revolutionism” that the SRs did not want to recognize in them. V. Myakotin declared:

Unlike the program of the SRs, our program is revolutionary not only in the final point but all along the road to socialism and it cannot be divided into two parts.³³

Nor did the right-wing Populists support the SRs’ project of socialization of land, one of the main points in the program of the party that actually positioned itself as a peasant party. Their own vision of a solution to the agrarian question in Russia – nationalization – seemed to them much more concrete and definite than the Socialist-Revolutionaries’ approach. The state was a time-tested system that was clear to everyone and there had been no alternative to it in the cause of rationalizing social life so far. When private property was abolished, only the state, subject to socialist reorganization, was capable of centralized land management and could successfully pursue a just agrarian and social policy. At the same time, “state property” and “nationalized property” were to be understood as “people’s property.” The state was to have supreme ownership of land; the use of land was to be left to workers; the immediate disposition was to be given to the concentric system of local unions.³⁴ The representatives of the *Russkoe Bogatstvo* expressed their dissatisfaction with the draft prepared by the SRs in the part of the plan of agrarian reforms. N. Annenskii tried to prove that the land reform could not be carried out by force of arms and by guerrilla struggle. It could be carried out only by the will of the people and exclusively through legal means. However, as he admitted, “land grabbing” with its pressure on the public opinion could actually bring that moment closer.

According to M. Vishnyak, the most brilliant participant of the congress was the SR ideologist V. Chernov, who spoke under the pseudonym Tuchkin. He proved to be a master of political compromise.³⁵ However, his diplomatic talent was powerless against the decision of the *Russkoe Bogatstvo* group to leave the congress late in the evening on December 31, 1905, and thus to finally break any connections that apparently were burdensome for both sides. Later, V. Chernov called Peshekhonov’s and Myakotin’s decision to found their own party a big mistake because, in his opinion, they did not have any necessary qualities for that. Of course, there was an

³³ Peshekhonov, *Why did we leave then?*, 334.

³⁴ *The Party of Socialist-Revolutionaries*, vol. 1, 285.

³⁵ N.I. Kanishcheva, ed., *Russian diaspora. The golden book of emigration: The first third of the 20th century: An encyclopedic biographical dictionary* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1997), 686.

element of resentment and political jealousy there, which were reflected in the further relations between the Populist leaders.

V. Chernov, leader of the Socialist Revolutionary Party
Source: www.hrono.ru, accessed September 15, 2021

The term “Popular Socialists” appeared in journalistic circles as early as in 1905. It was intended to reflect the continuity of closeness to the people, commitment to the socialist ideals, and the non-class nature of the new political movement.³⁶ Like all other Russian parties, the Popular Socialist Party was created “from above”; its membership mostly included representatives of the intelligentsia, which even more accentuated a similar feature of the Russian party-political system. According to A. Peshekhonova, “A.V. [Peshekhonov] passed the whole months of November and December of 1905 in active tireless work on the organization of the Popular Socialist Party.”³⁷ From the surviving correspondence between V. Myakotin and V. Semevskii, it is clear that the first half of 1906 was devoted to the activities in the same direction, which proved to be far from easy.³⁸ The ideological coherence of the political core of *Russkoe Bogatstvo* was not absolute,³⁹ and as a result, passionate disputes arose every

³⁶ A.V. Sypchenko and K.N. Morozov, comps., *The Labor Popular Socialist Party. Documents and materials* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2003), 492–93.

³⁷ A.F. Peshekhonova, “Byloe (vospominaniya ob A.V. Peshekhonove)” [Bygone times (Memoirs of A.V. Peshekhonov)]. F. 225, k. 1, d. 65, l. 50. NIOR RGB.

³⁸ Letters of V.A. Myakotin to V.I. Semevskii. F. 489, op. 3, d. 501, ll. 96–98, 100–102. Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk [Archives of the Russian Academy of Sciences] (Arkhiv RAN), Moscow, Russia.

³⁹ Letters of V.G. Korolenko. F. 135, razd. II, k. 36, ed. kh. 10, ll. 45–47. NIOR RGB.

now and then.⁴⁰ Also, not everyone believed that the name “Popular Socialists” was a good one.⁴¹ However, such working moments did not prevent the completion of the process of forming a new Neo-Populist party, which took a center-left position in the Russian political spectrum.

The publication in September 1906 of the first party program bulletin *Narodno-socialisticheskoe obozrenie* was an official declaration of the entry of the Labor (Popular Socialist) Party into the political arena of the Russian Empire was.⁴² By November 1906, when the party was finally constitutionalized,⁴³ registered at the Police Department and held its constituent conference where its program and charter were adopted, it had included about two thousand people in 56 local branches. The organizing committee consisted of 17 persons: N. Annenskii, L. Benoit, M. Berenshtam, V. Bogoraz (Tan), S. Elpatievsky, D. Zabolotnyi, F. Kryukov, N. Lutugin, V. Myakotin, A. Petrishchev, A. Peshekhonov, A. Rode, N. Rozanov, V. Semevskii, A. Titov, V. Charnolusskii, and N. Shnitnikov.⁴⁴

Conclusion

We believe that the association of the more moderate Populists with the Socialist-Revolutionaries in the early years of the 20th century before their own party was formed can be explained as follows. Their political temperament urged them to seek a sphere for the application of their energy. It was thinkable (and proved to be possible) to create their own organizational niche only when the right-wing Populist forces had become truly aggregated and a circle of like-minded people had been formed, that is by 1905. Before that, the future Popular Socialists got to know each other in the editorial board of *Russkoe Bogatstvo*, got “adapted” to each other, learned from N. Mikhailovskii and other evolutionary Populists of the older generation, and developed their own political taste, including the attitude to the methods of struggle for their ideals. Most of them were provincials, so they gradually joined the capital’s

⁴⁰ A.V. Peshekhonov, Letters to V.A. Rosenberg. 1897, 1902–1905. F. 251, karton 18, ed. khr. 33. NIOR RGB; A.V. Peshekhonov, “Voina i nashi zadachi. Stat'ya. 1904. Korrekturnyye listy” [War and our tasks. An article. 1904. Proof sheets]. F. 225, karton 1, ed. khr. 2. NIOR RGB; Letters of V.G. Korolenko. F. 135, razd. II, karton 36, ed. khr. 10, l. 50. NIOR RGB.

⁴¹ Sypchenko and Morozov, *The Labor Popular Socialist Party*, 492–93.

⁴² That was the official name of the organization. In this case, the word “labor” meant the character of the party oriented towards the people of labor, which the organizers wanted to emphasize rather than affiliation with the Popular Socialist Party of the Labor Group, as in 1917.

⁴³ M.I. Leonov, “Populism in party and public relations at the turn of the 19th – 20th centuries” [in Russian], in *Populists in the history of Russia: An inter-university collection of scientific works*, is. 3, ed. G.N. Mokshin; et al. (Voronezh: Istoki, 2019), 151.

⁴⁴ “Organization chart of the Labor (Popular Socialist) Party” [in Russian], *Narodno-sotsialisticheskoe obozrenie*, no. 1 (1906): 15–16.

socio-political activities, journalism being their main professional occupation. As politicians, in the beginning they had to join someone who would be more suitable for their views and attitudes towards the existing order of things. This is illustrated by their cooperation with both the Liberals and Revolutionary Populists. The activities of the latter were much more vivid and loud, which is why their organizational ties with the SRs were tighter and better known. All Neo-Populists were united by socialist ideology. On a number of principle questions, the views of the right-wing and the left-wing Populists were very close. If we talk about the Popular Socialists as a right-wing socialist faction that broke away from the party at the congress, we must assume that it could qualify for the status of a faction at least in term of its quantity. Meanwhile, the names of the people who are known to have been directly related to the Socialist Revolutionary Party in their young years and then became Popular Socialists are actually few. This usually refers to the future leaders and ideologists of the Popular Socialist Party, namely to A. Peshekhonov, V. Myakotin, and N. Annenskii (who, as it has already been mentioned, was much closer to the Liberals than to the SRs). However, they could hardly take their supporters with them due to the absence of them: like-minded people began to join them later, when they had formed their own party organization. Consequently, the assertion that the emergence of the Popular Socialist Party was independent appears to be sound and logical.

Список литературы

Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. Ленинград: Наука, 1983. 335 с.

Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. Москва: МГУ, 1979. 192 с.

Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. 418 с.

Леонов М.И. Народничество в партийных и общественных отношениях рубежа XIX–XX вв. // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3 / редколлегия: Г.Н. Мокшин (ответственный редактор) и др. Воронеж: Истоки, 2019. С. 146–161.

Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. Москва: РОССПЭН, 1997. 512 с.

Милуков П.Н. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. Москва: Современник, 1990. 448 с.

Миц И.И. Непролетарские партии России. Урок истории. Москва: Мысль, 1984. 566 с.

Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т. 1: 1900–1907 гг. / автор предисловия, введения и комментариев Н.Д. Ерофеев. Москва: РОССПЭН, 1996. 686 с.

Пешехонов А.В. Почему мы тогда ушли? // Русское богатство. 1917. № 11–12. С. 325–340.

Протасов Л.Г., Протасова О.Л. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 76–81.

Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. Москва: РОССПЭН, 2004. 240 с.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / ответственный редактор Н.И. Канищева. Москва: РОССПЭН, 1997. 742 с.

Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 16. Москва: Советская энциклопедия, 1976. 509 с.

Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. Москва: РОССПЭН, 1999. 247 с.

Сыпченко А.В. Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика. Самара: СГПУ, 2004. 516 с.

Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы / составители А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. Москва: РОССПЭН, 2003. 624 с.

Immonen H. The agrarian program of the Russian Socialist-Revolutionary Party, 1900–1914. Helsinki: Finnish Historical Society, 1988. 169 p.

Geifman A. Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1995. 388 p.

Hildermeier M. Arbeiterschaft und politische Radikalisierung in der Revolution 1905–1907 // Geschichte und Gesellschaft. 1990. Bd.16. S. 512–535.

Hildermeier M. Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln: Böhlau Verlag, 1978. 458 S.

Hildermeier M. Revolution und Revolutionsgeschichte // Die Umwertung der sowjetischen Geschichte / Hrsg. von D. Gayer. Köln: Böhlau Verlag, 1991. S. 32–53.

References

Erofeev, N.D. *Narodnye sotsialisty v pervoi russkoi revolyutsii* [The Popular Socialists in the First Russian Revolution]. Moscow: MGU, 1979. (In Russian)

Geifman, A. *Thou Shalt Kill. Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.

Ginev, V.N. *Bor'ba za krest'yanstvo i krizis russkogo neonarodnichestva* [Struggle for the peasantry and the crisis of Russian Neo-Populism. 1902–1914]. Leningrad: Nauka: Leningradskoe otделение, 1983. (In Russian)

Hildermeier, M. “Arbeiterschaft und politische Radikalisierung in der Revolution 1905–1907.” *Geschichte und Gesellschaft*, Bd.16 (1990): 512–35.

Hildermeier, M. *Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914)*. Köln: Böhlau Verlag, 1978.

Hildermeier, M. “Revolution und Revolutionsgeschichte.” In *Die Umwertung der sowjetischen Geschichte*, edited by D. Gayer, 32–53. Köln: Böhlau Verlag, 1991.

Immonen, H. *The agrarian program of the Russian Socialist-Revolutionary Party, 1900–1914*. Helsinki: Finnish Historical Society, 1988.

Kanishcheva N.I., ed. *Russkoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii: pervaya tret' XX veka: entsiklopedicheskii biograficheskii slovar'* [Russian diaspora. The golden book of emigration: The first third of the 20th century: An encyclopedic biographical dictionary]. Moscow: ROSSPEN, 1997. (In Russian)

Leonov, M.I. “Narodnichestvo v partiinykh i obshchestvennykh otnosheniyakh rubezha XIX–XX vv.” [Populism in party and public relations at the turn of the 19th – 20th centuries]. In *Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Populists in the history of

Russia: An inter-university collection of scientific works], is. 3, edited by G.N. Mokshin; et al., 146–61. Voronezh: Istoki, 2019. (In Russian)

Leonov, M.I. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905–1907* [The Party of Socialist-Revolutionaries in 1905–1907]. Moscow: ROSSPEN, 1997. (In Russian)

Milyukov, P.N. *Vospominaniya* [Memoirs], 2 vols., vol. 1. Moscow: Sovremennik, 1990. (In Russian)

Mints, I.I. *Neproletarskie partii Rossii. Urok istorii* [Non-proletarian parties in Russia. A history lesson]. Moscow: Mysl', 1984. (In Russian)

Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy [The Party of Socialist-Revolutionaries. Documents and materials], 3 vols., vol. 1, 1900–1907, with a foreword, introduction and commentary by N.D. Erofeev. Moscow: ROSSPEN, 1996. (In Russian)

Peshekhonov, A.V. “Pochemu my togda ushli?” [Why did we leave then?]. *Russkoe bogatstvo*, no. 11–12 (1917): 325–40. (In Russian)

Protasov, L.G., and O.L. Protasova. “Narodnye sotsialisty” [The Popular Socialists]. *Rodina*, no. 10 (1994): 76–81. (In Russian)

Protasova, O.L. A.V. *Peshekhonov: Chelovek i epokha* [A.V. Peshekhonov: The man and the era]. Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russian)

Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia], 16 vols., vol. 16. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1976. (In Russian)

Sypchenko, A.V. *Narodno-sotsialisticheskaya partiya v 1907–1917 gg.* [The Popular Socialist Party in 1907–1917]. Moscow: ROSSPEN, 1999. (In Russian)

Sypchenko, A.V. *Trudovaya narodno-sotsialisticheskaya partiya: teoriya i praktika* [The Labor Popular Socialist Party: theory and practice]. Samara: SGPU, 2004. (In Russian)

Sypchenko, A.V., and K.N. Morozov, comps. *Trudovaya narodno-sotsialisticheskaya partiya. Dokumenty i materialy* [The Labor Popular Socialist Party. Documents and materials]. Moscow: ROSSPEN, 2003. (In Russian)

Zenzinov, V.M. *Perezhitoe* [What I lived through]. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1953. (In Russian)

Информация об авторе

Ольга Львовна Протасова – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-0120-6380>, olia.protasowa2011@yandex.ru, Тамбовский государственный технический университет (392000 Россия, Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещение 2).

Information about the author

Olga L. Protasova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-0120-6380>, olia.protasowa2011@yandex.ru, Tambov State Technical University (room 2, d. 106/5, Sovetskaya ul., Tambov, Russia, 392000).

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.